

ПЕТР ПЕТРОВИЧ КОТЕЛЬНИКОВ

Казненные поколения

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Петр Котельников

**Казненные поколения.
Исторический роман**

«Издательские решения»

Котельников П. П.

Казненные поколения. Исторический роман /
П. П. Котельников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749380-6

Казнённые поколения: в книге повествуется о преступлении, замысел которого родился в голове императрицы Екатерины Второй...
Свидетельство гениальности всего, что она делала!

ISBN 978-5-44-749380-6

© Котельников П. П.
© Издательские решения

Содержание

Казненные поколения	6
Казнь	7
Смерть Анны Иоанновны	11
Суд над Бироном	17
От Риги до Холмогор	21
Доброта беззащитна	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Казненные поколения
Исторический роман
Петр Петрович Котельников

© Петр Петрович Котельников, 2017

Редактор Олег Петрович Котельников

ISBN 978-5-4474-9380-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Казненные поколения

Неужели мышление некоторым из людей дано лишь для того, чтобы они придумывали изощренные методы умерщвления себе подобных? Как не жаль, а смириться с тем, что это так, приходится. И слово такое на Руси придумали казнить! Есть казни физические и казни душевные. Душевные казни заставляют человека уходить из жизни добровольно. И нет ни одного человека, которого такая мысль ни разу не посетила бы... И нет ни одного народа и ни одного периода истории, в которых не было казнено множество людей разом по разным причинам, пусть это будет голод, политические и националистические репрессии или иные события, рождающие нищету, бродяжничество и безысходность. Не является исключением и наше с вами время, когда невидимой на глаз казни подвергается целое поколение. И я уже во многих произведениях обращался к этой теме.

Темой этой повести «временных лет» я избрал судьбу одного правящего семейства, редко вспоминаемого в обществе людей, не избравших своей профессией историю нашего отечества

Казнимы временем разящим,
Казнимы прошлым в настоящем.
И в будущем казнимы мы...
Казнимы холодом зимы,
Засушливым казнимы летом,
Казнимы жутким мраком, светом.
Казнимы голодом и жаждой.
Казнимы раз, казнимы дважды.
Казнимы истиной и ложью,
Казнимы близкими... возможно.
Казнимы нестерпимой болью
И даже преданной любовью.
Привычное для нас явление —
Казнить любое поколенье

Казнь

Двадцать два года, как один день, пролетели. Забыли в Санкт-Петербурге обыватели, когда на помосте голова чья-либо от туловища отсечена была... Кнудом били, язык усекали, ноздри щипцами рвали, но секира палача ни разу над головой осужденного не взлетала. Императрица Елизавета слово свое сдержала: ни колесований, ни четвертований, ни отсечений голов по указу её не производили. Думали, что и при новой государыне такое же будет продолжаться. И вот, тебе на!..

Завизжали пилы железные, впивались в бревна топоры стальные, молотки плотничьи вколачивали гвозди крепкие, рубленные. То ли осуждения людского страшась, то ли торопясь закончить дело богу неугодное поскорее, помост для казни сооружали ночью при свете трех костров огромных. Пламя металось по ветру, выхватывая фигуры строящих. Моросил дождик. Ноги скользили в грязи. Но к утру помост был готов. Уродливый сруб из бревен с лесенкой на два метра возвышался над уровнем земли. Освещение во время возведения помоста было недостаточным, поэтому при ярком свете утреннего солнца стали видны отчетливо все дефекты – повсюду торчали плохо срубленные сучки. К полицмейстеру града Санкт-Петербурга нарочного послали с предложением покрасить уродливое строение. Генерал-полицейстер Николай Иванович Чичерин согласие свое на оное предложение изволили дать. Дешевой краски не нашлось – красили золотой, отчего помост стал выглядеть ещё более уродливо.

Напомнить приходится о том, что всё это происходило на грязной площади вблизи «обжорного» рынка. На этом рынке торговали зерном и мукой. Здесь во времена Екатерины II стали большей частью продавать муку, просеянную через сита. Рынок соответственно изменил название свое и стал называться «Ситным».

Площадку вблизи помоста посыпали желтым песком, чтобы скрыть грязь, созданную топтанием по жиже множества ног строящих помост.

15 сентября 1764 года, солнечный день. Ветер шепчется с желтыми листьями дерев. Толпа постепенно увеличивается, заполняя всю площадь. Множество людей скопилось и на мосту, переброшенному через кронверкский крепостной ров. Свободно лишь место вокруг эшафота.

Время к полудню приблизилось. Люди томились в ожидании. Пора было и палачу приниматься за работу. Кстати, сегодня должен был свое умение показать один из палачей, прошедших тщательный отбор перед специально созданной комиссией. За три дня до этого собранные по городам и губерниям палачи демонстрировали этой комиссии своё мастерство отсекал голову одним ударом. Эксперименты проводились на живых баранах.

Что случилось в России?
Палачей запросили.
(По губерниям ширится слух).
Собираются каты —
Силы доброй ребята
На отбор палачей в Петербург.
С палачами проблема:
Двадцать лет, несомненно,
Не рубили голов – как тут быть?
Но народ наш упрямый,
И на плахе баранам
Сходу головы стали рубить!

Сигналом для проведения казни был отъезд Государыни-матушки из столицы. Так было всегда, если проводилось что-то не совсем чистое с точки зрения морали. Государыни оно и краешком своим не должно было зацепить. Всегда находился тот, кто, в случае появления сомнений в правовой оценке происходящего, всю меру ответственности брал на себя.

И подлижет, и покроет,
И поклёп любой настроит,
Ложь на правду перестроит —
Комар носа не подточит.
И потомки будут верить,
Лжи придворной многоликой,
Широко откроют двери
В сонм властителей великих.

Тот, кто должен был взойти на эшафот, был доставлен к месту казни еще накануне не в телеге, как это производилось прежде, а в карете, обтянутой темно-коричневой кожей. В таких каретах возили обычно почту или казенные деньги. Сейчас карета с преступником находилась в тупике ближайшего переулка. Выпряженные вечером накануне лошади вновь были запряжены в карету. Карету окружал конный конвой.

Казнь чем-то походила на театральное действие, так много в нем было неуловимо бутфорского.

Наконец-то, на помост стал подниматься палач. Ноги его скользили по еще невысохшей краске, оставляя черные следы от подошв сапогов на ступенях лестницы. Одет он был в черно-красный балахон с капюшоном, в котором были сделаны прорезы для глаз. Палач нес на плече большой блестящий топор. Потом на площади во главе с поручиком появилась рота мушкетеров. Она разместилась в двадцати метрах от помоста, образовав замкнутое кольцо.

Огромная толпа людей заколыхалась, теснимая конным конвоем, окружающим пошатывающуюся на рытвинах и колдобинах карету. Подъехав к месту казни, карета стала. Из нее вышел среднего роста молодой мужчина в синей офицерской шинели с непокрытой головой, По плечам его разметались длинные волнистые светлые волосы. Бледное лицо его было безмятежно спокойно. Вслед за ним из кареты вышел священник. Молодой человек, окинув взглядом собравшуюся толпу, сказал обыденным голосом священнику:

– Посмотрите, батюшка, какими глазами смотрит на меня народ. Совсем бы иначе на меня смотрели, если бы мне удалось мое предприятие.

Некоторые люди из толпы слышали эти слова и шепотом передавали их другим.

Неторопливо и спокойно приговоренный к смерти взошел на эшафот. На бледном лице его заиграл румянец. Было ли это свидетельством внутреннего волнения, или просто солнышко согрело щеки его, кто знает?

С легкой улыбкой он выслушал приговор и сказал довольно громко, что он благодарен за то, что ничего лишнего в приговоре ему не написали. Сбросив на помост шинель, он снял с шеи серебряный крест и отдал его священнику, прося того помолиться о душе его. Подал полицмейстеру, присутствующему при казни, записку об остающемся своем имени. Сняв с руки перстень, подал его палачу, убедительно прося того быстро исполнить свое дело и не мучить его. Потом сам, подняв свои длинные волосы, лег на плаху. Собравшаяся на казнь толпа народа была убеждена в том, что преступника помилуют. Ведь уже больше двадцати лет людей в России не казнили. Палач поднял топор, толпа замерла... Принято было, что в этот момент секретарь на эшафоте останавливал экзекуцию и оглашал указ о помиловании, жалуя, как тогда говорили, «вместо смерти живот». Но этого не произошло,

секретарь молчал, топор обрушился на шею молодого человека. Голова его отскочила и тотчас была поднята палачом за волосы. «Народ же, как писал Г. Р. Державин, бывший очевидцем казни, «ждавший почему-то милосердия государыни, когда увидел голову в руках палача, единогласно ахнул и так содрогнулся, что от сильного движения мост поколебался и перила обвалились». Люди попадали в Кронверкский крепостной ров.

А далее произошло то, чего не помнили и глубокие старики, повидавшие много за жизнь свою: поздно вечером помост вместе с телом казненного запылялся, распространяя вокруг запах горелого мяса. Такое претило всем канонам православия и было особенно осуждаемо народом. Люди долгое время после той казни сторонились площади, а Ситный рынок пришлось перенести в другое место.

Остается определиться с двумя вопросами: кого и за что казнили? На первый вопрос ответить не трудно, если судить по одежде казнённого. Это был офицер смоленского пехотного полка в чине подпоручика. Фамилия была указана в приговоре: Мирович Василий Яковлевич, 24-лет – государственный преступник, пытавшийся совершить государственный переворот, цель переворота —освобождение заключенного пожизненно в Шлиссельбургскую крепость свергнутого Елизаветой Петровной императора Иоанна VI. Да разве мало было на Руси преступлений против государственности до Мировича?.. Но никого из казнённых не сжигали вместе с помостом? Он никого во время попытки мятежа не убил.

И вообще, был убит только один несчастный заключённый император Иоанн, к тому же руками стражей, охраняющих узника, а не штурмующими.

Соответствует, в таком случае, вина – наказанию? Кто и что извлекал из самого факта попытки переворота?

Кому было выгодно возвращение свергнутого в двухлетнем возрасте сына Анны Леопольдовны и герцога Брауншвейгского на российский трон?

За что невинного казнят?
Младенца – немощные старцы...
Идёт открытая возня...
И стимул виден – царство!

Кому выгодна гибель царственного узника? Только одному человеку во всём государстве Российском – самой государыне-императрице Екатерине II. Он всегда напоминал бы ей, будучи живым, о возможности самой утраты ею власти!

Мог ли Мирович Василий задумать самостоятельно план освобождения заключенного императора, если он не знал о самом существовании такового. Подпоручик был далек от политики как внешней, так и внутренней. Он даже не знал тех, кому доверила государыня правление государством... Так, Мирович полагал, что Миних и Бирон всё еще являются фаворитами государыни. Что же говорить о том, кто был забыт ещё во времена Елизаветы?.. О месте пребывания Иоанна тогда не знали даже высокопоставленные сановники государства. Это была – тайна для всех, в том числе и для тюремщиков, охраняющих заключенного. По таинственности она не уступала «железной маске» французской Бастилии. Как в том, так и в другом случае, соседство с охраняемым, было великим материальным подспорьем для тюремщиков. Они, как сыр в масле катались, охраняя того, кто был безмолвен и ничем им не докучал, но на содержание кого отпускались значительные денежные средства. Начинили нести охрану важнейшего заключенного России Иоанна VI сержант Ингерманландского пехотного полка Лука Матвеевич Чекин и прапорщик того же полка Данила Петрович Властьев. Для тюремного надзирателя абсолютно неважно обладать высококачественным серым веществом мозга, напротив оно постоянно мешает, рождая сомнения, а сомнения всегда приводят к выводам, которые не угодны начальству. Кроме того, серое вещество увеличивает

объем слов в общении с охраняемым, тогда, когда нужно пользоваться всего тремя словами: Да. Нет. Запрещено! И не беда, что от такого общения и заключенный тупеет. Это же прекрасно – жаловаться не будет ни устно, ни письменно – слов не будет хватать!.. Служба – не бей лежачего! Опасности для жизни – никакой! Питание – самое распрекрасное. Чины растут, жалованье – тоже. Через восемь лет – они уже офицеры: Власьев — капитан, Чекин – поручик...

Пока мы оставим на какое-то время двух скучающих офицеров-тюремщиков. Время действий их еще наступит, а вернемся к тому, как рождался сам «заговор».

Смерть Анны Иоанновны

Брачные союзы для дочерей царя Ивана, задуманные и осуществлённые его братом Петром Великим несли в себе для России разрушительную энергию. Естественно, поступая так, государь и предполагать не мог, что всё это так обернется для государства, которое он любил и для которого не щадил ни сил своих, ни своего здоровья и самой жизни, не щадил жизни своих сотен тысяч подданных. «Окно в Европу было прорублено», но путь туда после смерти императора напоминал дорогу с односторонним движением – хлынул поток в Россию искателей денег и чинов. Титулов у самих искателей счастья порою было достаточно, поскольку владетельных персон, имеющих право на ношение приставки «фон» – зашкаливало, а земель, их содержащих – катастрофически не хватало!. Не имея возможности жить за счет доходов от земли, они продавали шпагу и руку, ее державшую, тому, кто мог заплатить за них. Спрос на них пока ещё был в России. Не потому ли, в присутственных местах Санкт-Петербурга немецкая речь звучала чаще русской? Засилье немцев в столице было пугающим, а недовольство немцами за её пределами недопустимым.

Император Петр окошко
Нам в Европу прорубил
Из куля нас да в рогожку
Превратить не стало сил.

Дверью то окно не стало
Нет замка, чтоб закрывать —
Лезет к нам врагов немало,
Почитай, – большая рать...

Не пахать пришли да сеять,
Не пришли, чтоб подсобить,
А пришли на нашу шею
От заботы их знобит.

Мы умом что ль оскудели?
Или силы боле нет?
Что же мы, на самом деле
Терпим их так много лет!

И когда их с шеи сбросим?
Сколько ждать нам той поры?
Есть и вилы, есть и косы
Есть дубины, топоры!

Истины ради, следует сказать, что многие из иностранцев верой и правдой служили России и вошли в её историю в качестве русских государственных деятелей. Среди них был и второй сын герцога принц Антон Ульрих Брауншвейг-Беверн-Люнебургский. Он родился 28 августа 1714 г. Рос и воспитывался при дворе своего отца, в воспитании принца преимущество было отдано военным наукам. В феврале 1733 года, когда ему исполнилось 18 лет, он появляется в России. Здесь ему пообещали командование кавалерийским полком. Однако

у российской стороны были на него и другие виды, которые до поры до времени официально не разглашались.

Императрица российская Анна Иоанновна, правящая в ту пору, уже обдумывала будущее своей любимой племянницы Анны Леопольдовны. Родилась девочка в Ростове в зимний декабрьский вечер 1718 года. Родителями её были: Карл Леопольд, герцог Мекленбург-Шверинский, и герцогиня Екатерина Иоанновна, дочь царя Иоанна V Алексеевича и царицы Прасковьи Федоровны. И была она тогда не Анною, а Елизаветой Екатериной Христиной. Анной она стала называться после принятия ею православия в 1733 году. А до этого, одиннадцать лет проживая в России, она носила то имя, которое дал ей пастор лютеранской церкви Семейная жизнь родителей сложилась неудачно, поскольку в ней не было не только любви, но и обычного уважения – «расчетливая брачная дипломатия» Петра I оказалась на поверку, ошибочной. Сочувствуя дочери, вдовствующая царица Прасковья Федоровна, жена царя Ивана V, пригласила дочь и внучку, в которых души не чаяла, в Россию. Приехали те в 1722 году, да так в России и остались.

Неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба внучки русского царя и дочери Мекленбургского герцога, если бы не события зимы 1730 г., когда на российский трон взошла их родственница – Анна Иоанновна.

Бездетная Анна Иоанновна, вне всякого сомнения, очень любила и сестру, и племянницу. Уже с момента воцарения Анны Иоанновны иностранные дипломаты в своих донесениях уверенно сообщали, что именно Мекленбургская принцесса немецко-русских кровей будет объявлена наследницей престола. Впрочем, официально императрица никаких намерений относительно принцессы долгое время не высказывала. Той исполнилось только четырнадцать лет, так что спешить было некуда.

Будущий жених принц Брауншвейгский проходил «русскую акклиматизацию» Времени он даром не тратил, активно занимаясь самообразованием, регулярно посещая манеж и упражняясь в верховой езде.

Вскоре он был зачислен на русскую службу в звании полковника кирасирского полка..

Как хорошо и как приятно
Полковникам стать кирасиров.
Мундир с кирасою красивой
И орденов российских пятна.

Понимал немецкий принц, что без отличного знания русского языка ему не обойтись, Для него этот язык был исключительно сложным, но он его одолел, довольно скоро научившись говорить, читать и писать по-русски.

К тому времени, когда императрица Анна Иоанновна решила выдать замуж Анну Леопольдовну за принца Брауншвейгского, тот успел стать известным боевым генералом, участником нескольких походов в войне с турками. При взятии легендарной крепости Очаков летом 1737 г. принц проявил незаурядную личную храбрость, отмеченную командующим фельдмаршалом Б. Х. Минихом и другими важными персонами.

В 1738 г. за весомые заслуги принц был пожалован высшими орденами Российской империи – Св. Апостола Андрея Первозванного и Св. Александра Невского. Позднее пришлось Антону Брауншвейгскому и с татарской конницей сражаться на берегах Днестра.

Догадывался ли принц Брауншвейгский о замыслах императрицы? Полагаю, что догадывался...

2 июля 1739 г в Большом зале Зимнего дворца происходила торжественная церемония: принц Антон Брауншвейгский в присутствии титулованной знати, придворных и иностранных дипломатов, просил Её Императорское Величество вручить ему принцессу

Анну в супружество, обещая беречь ее «всю жизнь с нежнейшей любовью и уважением». Помолвка принцессы Анны Леопольдовны и принца Антона Ульриха состоялась, и о том жители северной столицы узнали 3 июля всё того же 1739 года, когда в церкви в честь Казанской иконы Божией Матери совершилось торжественное бракосочетание принца Браншвейгского и самой завидной и богатой невесты России, принцессы Анны Леопольдовны. По совершении таинства брака прогремел пушечный салют. Войска на улице открыли беглый огонь в воздух из всего, что могло стрелять. Вечером начался бал. Улицы, дома и дворцы столицы осветились огнями праздничной иллюминации. Казалось, что в городе возник невиданный по размерам пожар.

Празднества продолжались целую неделю, все дни и вечера которой были заполнены банкетами, салютами, балами, концертами, маскарадами. В первый и последний вечера праздничной недели на улицах били фонтаны с вином для народа, которому, по словам очевидца, «пред сими фонтанами жареный бык с другими жареными „мясами“ предложен был». В полусумраке летней петербургской ночи возле императорского дворца на берегу Невы полыхали дивные огни грандиозного фейерверка. Праздники закончились, жизнь при императорском дворе вошла в свое русло, но все взоры теперь обращались к форме и размерам живота племянницы Анны. А он свидетельствовал о том, что следует ожидать появления ребенка.

12 августа 1740 г. у Анны Леопольдовны и Антона Ульриха родился долгожданный сын. Высочайшим Указом Её Императорского Величества Анны Иоанновны было повелено: во всех храмах России служить благодарственный молебен с колокольным звоном, а если возможно, – то и с пушечной пальбой. Новорожденного в честь прадеда нарекли Иоанном Мечта бездетной императрицы осуществилась: родился, как по заказу, мальчик, он был здоровым и крепким! Покой династии был обеспечен, и Анна, став восприемницей новорожденного, тотчас засуетилась вокруг него. Для начала она отобрала Ивана у родителей и поместила его в комнатах рядом со своими. Теперь и Анна Леопольдовна и Антон Ульрих мало кого интересовали – свое дело они сделали. Однако понянуть наследника, заняться его воспитанием императрице Анне не довелось: события при дворе закрутились неожиданно и стремительно, приняв поистине фантастический характер. Известный российский поэт-декабрист Кондратий Фёдорович Рылеев, повешенный в числе пяти в Петропавловской крепости, использовавший в своём литературном творчестве эпизоды российской истории, писал в «Видении Анны Иоанновны» о том, что незадолго до её смерти императрице явился призрак казненного ею реформатора князя Волынского, да не просто призрак, а лишь голова.

Историки отрицают явление головы Волынского, но свидетельствуют о более сенсационном событии: императрице Анне Иоанновне являлся призрак двойника её, и не один раз.

Впервые о «невероятном» стал говорить в сентябре 1740 года. Придворные слуги – истопники, камер-лакеи и часовые заговорили о том, что стали видеть по ночам в тронном зале Зимнего дворца женскую фигуру, как две капли воды похожую на императрицу. Фигура задумчиво, не торопясь, расхаживала в короне и порфире.

5 октября 1740 года прямо за обеденным столом у императрицы начался сильнейший приступ болезни. Придворный врач дал два каких-то порошка, позволившие государыне прийти в себя. Императрица слегла в постель.

Того же дня, 5 октября Бирон созвал совещание виднейших сановников. Проливая потоки слез, терзаясь скорбью о здоровье государыни, он стал говорить о судьбе России, которой грозило несчастье из-за малолетства Ивана Антоновича и слабых характерности Анны Леопольдовны. В конце своей тщательно продуманной речи он сказал, что управление государством необходимоверить опытному человеку, который «имеет довольно твердости духа, чтобы непостоянный народ содержать в тишине и обуздании».

Все понимали, что при жизни императрицы, выдвигать регентом кого-либо, кроме Бирона опасно. Поэтому все наперебой заговорили о том, что на роль правителя не видят никого, кроме самого Бирона. Бирон стал деланно отказываться... И тут Алексей Бестужев-Рюмин, занявший место Артемия Волынского в Кабинете министров по воле Бирона, прибег к извращенной форме подхалимажа: он резким тоном, довольно грубо упрекнул Бирона в неблагодарности к России – стране, которая принесла ему славу, достаток и которую он теперь бросает в отчаянном положении.

Только скромность не удел вельмож,
Ведь у них желаний слишком много:
Что ни слово, то сплошна ложь,
Служат Люциферу, а не Богу...

Бирон устыдился и дал согласие быть регентом, но только с условием, чтобы это решение было принято всеми высшими чинами империи. На другой день коллективная петиция с просьбой о назначении регентом Бирона была готова, причем первым ходатаем перед императрицей за Бирона был фельдмаршал Миних.

Но неожиданно Бирон встретил препятствие со стороны... самой Анны. Выяснилось, что она не собирается отправляться в лучший мир, а также подписывать какое-либо завещание. Она, женщина суеверная, боялась, что, как только она подпишет завещание, то вскоре и умрет. Неожиданную твердость проявила и Анна Леопольдовна, которая заявила Бирону, что просить императрицу о составлении завещания не будет, ибо не сомневается, что тетушка и без особых хлопот обеспечит будущее Ивана Антоновича и его семьи. В итоге для Бирона дело стало приобретать неблагоприятный оборот – если императрица умрет, не подписав завещание в нужной ему редакции, то регентами наследника престола Ивана, скорее всего, станут его родители, а не он.

Вот тут уже пришлось самому Бирону, стоя на коленях, упрашивать императрицу подписать завещание. Он не покидал комнаты Анны до тех пор, пока та не подписала указ о назначении Ивана наследником престола и объявлении Бирона регентом до семнадцатилетия юного императора Ивана VI. Герцог мог вытереть пот со лба – его старания удались... но счастье, как оказалось позднее, было таким коротким.

Через три дня, 8 октября, часовой и дежурный офицер собственными глазами увидели императрицу на троне при всех регалиях, о чем и сделали в журнале дежурств соответственную запись. С этой записью естественно, ознакомился Бирон, обладавший всей полнотой власти при Анне Иоанновне. Он-то ведь точно знал, что императрица в это время в тронный зал не заходила, а спала в собственной опочивальне.

И тогда Бирон отдает приказ: стрелять в самозванку, «буде она объявится».

15 октября, за два дня до кончины Анны Иоанновны, происходит следующее:

Движения во дворце прекратились. Караул стоял в комнате, возле тронной залы; часовой был у открытых дверей. Императрица уже удалилась во внутренние покои. Всё стихло. Было за полночь, и офицер уселся, чтобы вздремнуть...

Вдруг часовой зовёт на караул, солдаты вскочили на ноги, офицер вынул шпагу, чтобы отдать честь. Он видит, что императрица Анна Иоанновна ходит по тронной зале взад и вперёд, склоняя задумчиво голову, закинув назад руки, не обращая внимания ни на кого. Часовой стоит, как вкопанный, рука на прикладе, весь взвод стоит в ожидании; но что-то необычное в лице императрицы, и эта странность ночной прогулки по тронной зале начинает их всех смущать. Офицер, видя, что она решительно не собирается идти дальше залы и не смея слишком приблизиться к дверям, дерзает наконец пройти другим ходом в дежурную жен-

скую и спросить, не знают ли намерения императрицы. Тут он встречает Бирона и рапортует ему, что случилось.

– Не может быть, – говорит герцог, – я сейчас от императрицы, она ушла в спальню ложиться.

– Взгляните сами, она в тронной зале

Бирон идёт и тоже видит её.

– Это какая-нибудь интрига, обман, какой-нибудь заговор, чтобы подействовать на солдат! – вскричал он, кинулся к императрице Анне, уговаривая её выйти, чтобы в глазах караула изобличить самозванку, какую-то женщину, пользующуюся некоторым сходством с ней, чтобы морочить людей, вероятно, с дурным намерением.

Императрица решила выйти, как была, в пудермантеле.. Бирон пошёл с нею. Они увидели женщину, поразительно похожую на неё, которая ни мало не смутилась.

– Дерзкая!» – вскричал Бирон, и вызвал весь караул.

Офицер своими глазами увидел две Анны Иоанновны, из которых настоящую, живую, можно было отличить от другой только по наряду, и потому, что она вошла с Бироном из другой двери. Императрица, постояв минуту в удивлении, выступила вперёд, пошла к этой женщине и спросила: – Кто ты, зачем ты пришла?

Не отвечая ни слова, та стала пятиться, не сводя глаз с императрицы, отступая в направлении к трону и, наконец, всё-таки лицом к Императрице, стала подниматься, пятившись, на ступеньки под балдахином.

– Это дерзкая обманщица! Вот императрица! Она приказывает вам, стреляйте в эту женщину, – сказал Бирон взводу.

Изумлённый растерявшийся, офицер скомандовал, солдаты прицелились. Женщина, стоявшая на ступенях у самого трона, обратила глаза ещё раз на императрицу, тяжело вздохнула и ...рассеялась в воздухе..

Анна Иоанновна, повернувшись к Бирону, глубоко вздохнув, глухим голосом сказала:

– Это моя смерть!

Надо сказать, что, прочтя историю о двойнике императрицы, российская образованная публика не слишком-то поверила в ее правдивость. Однако историки не сдались, утверждая, что всё это происходило в действительности!

Впрочем, чего только не бывает с людьми, увлеченными мистикой, а Анна Иоанновна была малообразованной, панически боялась всего того, что принято называть оккультизмом.

Поговаривали в прошлом, что подобное произошло и с такой просвещённой государыней, каковой являлась императрица Екатерина II. Описание этого случая принадлежит французскому королю Людовику XVIII. Во времена оные он находился в изгнании, пребывая в Венеции. Свидетелем происшедшего он не был, о случившемся узнал от посланника при российском дворе. Вот, что он пишет об этом в своих «Мемуарах»: «2-го ноября 1796года фрейлины ее величества Екатерины II, дежурившие у дверей спальни, увидели, что государыня, в ночной одежде и со свечой в руке, выходит из своей спальни, идет к тронному залу и входит туда. Сперва они были очень удивлены таким странным и поздним выходом, а вскоре начали тревожиться ее продолжительным отсутствием. Каково же было их изумление, когда они услышали из спальни государыни звонок, которым обыкновенно призывалась дежурная прислуга! Бросившись в спальню, они увидели государыню лежавшей на кровати. Екатерина спросила с неудовольствием, кто ей мешает спать. Фрейлины замялись, боясь сказать ей правду, но императрица быстро заметила их смущение и в конце концов заставила-таки описать подробно все происшествие.

Живо заинтересованная рассказом, она приказала подать себе одеться и в сопровождении фрейлин отправилась в тронный зал. Дверь была отворена – и странное зрелище пред-

ставилось глазам присутствующих: громадный зал был освещен каким-то зеленоватым светом. На троне сидел призрак – другая Екатерина!

Императрица вскрикнула и упала без чувств. С этой минуты здоровье ее расстроилось, и два дня спустя апоплексический удар прекратил ее земную жизнь».

И с коронованными лицами зарубежных династий происходило нечто подобное.

Король Швеции Карл XI, отец короля Карла XII, известного нам по Полтавской битве, был человеком просвещенным, храбрым, трезво мыслящим, лишенным какого бы то ни было воображения.

Однажды поздним осенним вечером Карл XI сидел в кабинете в присутствии своего любимца камергера графа Браге и лейб-медика Баумгартена, известного своим вольнодумством (эскулап слыл сторонником учения Декарта и хотел, чтобы все сомневались во всем, кроме медицины). Им было нетрудно заметить, что окна зала напротив ярко освещены, что возбудило их любопытство. Происходило это в старом королевском дворце в Риттерхольме, представляющим собой обширное здание в форме подковы. В одном его конце помещался кабинет короля, а почти напротив находился зал, где собирались представители сословий.

Король позвал сторожа и велел отпереть зал. То, что открылось его глазам, повергло всю компанию в ужас.

Зал был освещен бесчисленными факелами, стены затянуты черной материей; с них свисали трофейные и шведские знамена, причем последние были покрыты черным крепом.

На скамьях сидели депутаты. Трон занимал труп в королевском облачении. Справа от него стоял мальчик с короной на голове и скипетром в руке, а слева человек, облаченный в парадную мантию, которую носили шведские короли до воцарения династии Ваза. Посередине зала находилась плаха с топором.

Вдруг из другой двери стража ввела в зал молодого человека со связанными руками. В то же мгновение труп свела судорога, а из раны хлынула кровь. Молодой человек с горделивым достоинством опустился на колени и вытянул шею; спустя несколько минут его голова подкатилась к ногам Карла XI, забрызгав его сапоги кровью. Человек в мантии торжественно обратился к королю:

– Король Карл! Кровь эта прольется не при тебе, но спустя еще пять царствований. Горе, горе, горе дому Ваза!

После этого видение исчезло. По мнению Карла XI и его спутников, фантазмагория продолжалась минут десять.

Вернувшись в кабинет, король приказал записать рассказ об увиденном и велел троим другим свидетелям скрепить документ своими подписями, после чего подписал его сам. Примечателен конец этой записи: «А если то, что я здесь изложил, – пишет король, – не истинная правда, я отрекаюсь от надежды на лучшую жизнь за гробом, каковую, быть может, заслужил кое-какими добрыми делами, в особенности же ревностным трудом на благо моего народа и защитой веры моих предков».

О подлинности этого документа судить трудно, подобные легенды окружают любой трон, обгаренный кровью государя. Когда в начале XIX века видение Карла XI стало известно, труп на троне отождествили с Густавом III, а казненного – с его убийцей Анкарстремом.

Суд над Бироном

Как-то раз Бирон спросил у придворного шута: «Что думают обо мне россияне?» «Вас, ваша светлость», – ответил шут, – «одни считают богом, другие – сатаной, но никто не считает человеком».

Эрнст Иоганн Бирон, фаворит императрицы Анны Иоанновны, определявший, как считается, долгое время судьбы России, стал в российской историографии символом немецкого засилья. Именно в его время, как пишет историк Ключевский, «немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забились на самые доходные места в управлении».

Но, следует признаться, не Бирон создал для этого условия, до него над этим здорово постарался Петр Великий – это он открыл шлюзы для потока иностранцев, преимущественно – немцев.

Говорили о его низком происхождении... Да, оно действительно слишком туманно... Враги Бирона не упускали возможность напомнить, что был он якобы родом из конюхов, что мать его якобы была служанкой-латышкой. Объясняется это, по всей видимости, тем, что значительная часть курляндского рыцарства не хотела признать Бирона герцогом Курляндии. Позже, впрочем, имела место и другая крайность: кое-кто утверждал, что Бирон состоит в родстве со знаменитыми французскими герцогами де Биронами, что, естественно, ни в какие ворота не лезет. Впрочем, в истории многих стран в высший свет врывается немало таких лиц, которым приходится на скорую руку лепить родословную, ни чистотой помыслов, ни благодатностью действий украшением общества не становятся

Стоять у власти много лет
И оставаться чистым?
Ну, это, скажем, чистый бред
Во все века и присно!

Бирона обвиняли во всех бедах страны и это естественно, коль он был олицетворением власти. Говорят он беззастенчиво запускал в казну руку свою... а кто, стоя у власти не ворует?..

Воруют все, кому не лень,
Кто скрыто, а кто – прямо
Украсть не может только тень,
Поскольку нет кармана.

«Если учесть, что нации он внушает ужас, что те, кто притворялись действующими ему на благо и помогли его вознесению, делали это только во имя своих личных интересов, ... можно предвидеть, что он поднялся на столь высокую ступень судьбы только для того, чтобы совершить после этого такое же великое падение» – писал барон Мардефельд в Берлине о Бироне незадолго до его ареста.

Нация – понятие слишком обширное. Народ!.. Во имя народа!.. Для блага народа!.. – кричат лихоимцы во все времена...

А что за народ? Так, – безликая масса-
В глазах у царя и закона...

А в нем различают и кланы, и классы —
Живущих в дворцах и притонах.
Одни над законом, другие – без права,
Но смертны и те, и другие.
Уходят с позором, уходят без славы —
Но с детства мечты голубые....

Не со стороны народа грозила Бирону ближайшая опасность, а со стороны тех, кого он считал своими друзьями, от которых он ни разу не слышал слов укора, которым он доверял, как самому себе и которые при его содействии и чины высокие... Из них самым неблагодарным оказался Миних.

В структурах власти казавшийся преданным регенту он втайне подготовил заговор, который легко удался, потому что Бирон, по-видимому, слишком полагался на гвардию. Да и как могло быть иначе, если Преображенским полком командовал Миних, первым помощником которого был майор Альбрехт, ставленник Бирона! Семеновским полком командовал преданный герцогу генерал Ушаков, Измайловским – Густав Бирон, а конным – сын его, принц Петр. Христофор Антонович Миних объясняет причину произведенного им переворота несоблюдением самим Бироном условий завещания императрицы Анны Иоанновны: «В завещании Императрицы была одна статья, гласившая, что герцог-регент должен обходиться с должным почтением с племянницей Ее Величества – принцессой Анной и с ее супругом; но герцог поступал совершенно наоборот: высокомерие и угрозы с его стороны были постоянными, и я сам видел, как принцесса трепетала, когда к ней являлся Бирон. Так как герцог, будучи еще обер-камергером, стоил России несколько миллионов, то вельможи и внушили принцессе, что, по всей вероятности, он в течение шестнадцати лет регентства, будучи единовластным правителем империи, переберет у казны еще миллионов шестнадцать и более. Так как, по силе другой статьи того же завещания, герцогу и государственным министрам предоставлялось, испытав способности принца по достижении им семнадцатилетнего возраста, решить, в состоянии ли он управлять государством, – никто не сомневался, что герцог изыщет способ объявить молодого принца слабоумным и, пользуясь своей властью, возведет на престол сына своего, принца Петра, о котором два года тому назад поговаривали, будто он должен был жениться на принцессе Анне» Оставалось убедить принцессу, что для блага государства следовало бы арестовать регента Бирона и отправить его, вместе с семейством, в ссылку; на его же место герцогом курляндским наименовать принца Людвиг Брауншвейгского. От Анны Леопольдовны последовало согласие.

Накануне переворота фельдмаршал Миних обедал с Бироном, и при прощании тот попросил его о встрече вечером. Они засиделись, долго разговаривая о многих событиях, касавшихся того времени. Герцог был весь вечер озабочен и задумчив. Он часто переменял разговор, как человек рассеянный, и ни с того ни с сего спросил фельдмаршала:

– Не производилось ли вами военных действий в ночное время?

Этот неожиданный вопрос привел фельдмаршала в замешательство; он вообразил, что регент догадывается о его намерении.

Справившись с волнением, Миних ответил:

– Насколько помню, мне не приходилось предпринимать что-нибудь необыкновенное ночью, но моим правилом было пользоваться всегда обстоятельствами, когда они кажутся благоприятными.

Они расстались в 11 часов вечера 7 ноября. Вопрос, заданный Бироном о возможности самого проведения ночных действий, не оставлял в покое фельдмаршала. Он не мог отогнать мысль о том что Бирон откуда-то узнал о его замысле переворота. А о решительности и жестокости действий герцога ему было хорошо известно. В ту же ночь фельдмар-

шал уговорил принцессу в необходимости действовать немедленно, представить ей офицеров, которым она пожаловалась на оскорбления, претерпеваемые от регента, и так разжалобила их, что они с полной готовностью обещали сделать все, что она прикажет. Один офицер и 40 солдат были оставлены при знамени, а 80 человек, вместе с фельдмаршалом, направились к летнему дворцу, где регент еще жил. Шагах в 200 от этого дома отряд остановился. Фельдмаршал послал подполковника Манштейна к офицерам, стоявшим на карауле у регента, чтобы объявить им намерения принцессы Анны. Те оказались такими же стоворчивыми, как и прочие, и предложили даже помочь арестовать герцога, если в них окажется нужда. А далее главным лицом, производящим арест всесильного сановника, был Манштейн. Он во главе отряда в 20 человек вошел во дворец с приказом арестовать герцога и, в случае малейшего сопротивления с его стороны, убить его без пощады. Манштейн, во избежание большого шума, велел отряду следовать поодаль от себя. Сам же решительно направился к входу. Часовые пропустили его без малейшего сопротивления, так как все солдаты, зная его, полагали, что он мог быть послан к герцогу по какому-нибудь важному делу. Подполковник совершенно беспрепятственно прошел сад и добрался до покоев. Не зная, однако, в какой комнате спал герцог, он был в большом затруднении, недоумевая – куда идти? Чтобы избежать шума и не возбудить никакого подозрения, он не хотел ни у кого спросить дорогу, хотя встретил несколько слуг, дежуривших в прихожих. Поколебавшись мгновение, он решил следовать дальше по комнатам, бегло осматривая, в надежде, что найдет наконец то, чего ищет. Действительно, пройдя еще две комнаты, он очутился перед дверью, запертой на ключ. К счастью для него, она была двустворчатая, и слуги забыли задвинуть верхние и нижние задвижки; таким образом, он мог открыть ее без особого труда. В глубине комнаты стояла большая кровать, на ней глубоким сном спал герцог и его супруга. Спящие не проснулись даже от шума громко растворившейся двери. Манштейн, подойдя к кровати, отдернул занавес и сказал, что имеет дело до регента. На звук его голоса герцог и герцогиня внезапно проснулись и начали звать на помощь, да так громко, что их должны были слышать во всех концах большого здания. Бирон понимал, что Манштейн пришел к нему незваным не из добрых побуждений, Подполковник гвардии., оказалось, находился с той стороны кровати, где лежала герцогиня, поэтому регент имел возможность соскочить с кровати, очевидно, с намерением спрятаться под нею; но тот поспешно обошел кровать и бросился на него, сжав его как можно крепче обеими руками. Помощь подоспела, но не та, которую ожидал видеть герцог. Это были гвардейцы отряда Манштейна, бросившиеся помогать своему офицеру. К этому времени Бирон успел стать на ноги. С недюжинной силой он отбивался от бросившихся на него рослых гвардейцев, сыпля удары кулаком вправо и влево; солдаты отвечали ему сильными ударами прикладов, повалили его на пол, вложили в рот платок, связали ему руки шарфом одного офицера и снесли его голого до гауптвахты, где накрыли солдатской шинелью и положили в ожидавшую его тут карету фельдмаршала. Рядом с ним посадили офицера и повезли в Зимний дворец. Поручение, данное Манштейну, было исполнено им так быстро и успешно, что он сам впоследствии удивлялся. «Если бы один только человек исполнил свой долг, то предприятие фельдмаршала не удалось бы; это-то нерадение гвардейцев, на которое не было обращено внимания при великой княгине, и облегчило тот переворот, который год спустя предприняла царевна Елисавета». Бирону при аресте было нанесено до двадцати ран, от которых он окончательно излечился лишь спустя два года. В современных донесениях рассказывается, что по доставлении в Зимний дворец Бирон, от страха и отчаяния, упал в обморок, так что для приведения его в чувство пришлось ему пустить кровь. После обеда, часов около 3—4, его поместили в дормез и под охраной гвардейского капитана и 4 гренадеров отвезли в Александро-Невскую лавру. На Невском за экипажем бежала тысячная толпа простонародья, выкрикивая в его адрес грязные ругательства.

Утром 9 ноября Бирон вместе с семейством перевезен был в Шлиссельбургскую крепость. Офицеру, который вез бывшего регента в Шлиссельбург, Бирон предлагал драгоценности, золото и серебро, если он позволит ему броситься к ногам великой княгини; он умолял, чтобы были милосердны хотя бы только с женою его. Вскоре, однако, Бирон справился со своими эмоциями и вел себя с твердостью, говоря лишь:

– Я заслужил все это!

Утром того же дня Анна Леопольдовна торжественно была провозглашена правительницей. Вышел манифест, подписанный Синодом, министерством и генералитетом: Император Иоанн III объявлял, что назначенный регентом герцог Курляндский дерзнул не только многие противные государственным правам поступки чинить, но «и к любезнейшим нашим родителям всякое непочитание и презрение публично оказывать, и притом с употреблением непристойных угроз, и такие дальновидные и опасные намерения объявить дерзнул, которым не только любезнейшие родители наши, но и мы сами, и покой, и благополучие империи нашей в опасное состояние приведены быть могли бы: и потому принуждены себя нашли, по усердному желанию и прошению всех наших верных подданных духовного и мирского чина, оного герцога от регентства отрешить...»

Бирона допрашивали несколько раз. 23 и 24 ноября ему было предъявлено 26 допросных пунктов, по которым отбирали ответы Ушаков, Леонтьев, Воейков. В пунктах этих перечислены вины Бирона: он не ходил в церковь, не радел о здоровье Государыни, дерзко обращался с принцессой и герцогом, предавал мукам лиц, ему противившихся, грозил привести в Россию принца Голштинского, разорял казну, непочтительно относился к Императрице, никого не допускал к ней, вступал в дела, его не касавшиеся, вывозил рабочих, необходимых в Петербурге, в Курляндию, без вины гневно напускался на сановников, устраивал свирепые забавы, произносил непристойные слова об Императрице, поносил иностранных, союзных России государей и вступал в тайные трактаты, министрам не известные...»

Все возражения Бирона и пояснения, даваемые им, во внимание не были приняты. Надежд на милость у обвиняемого не оставалось, 8 апреля была уже составлена сентенция, в которой объявлялось: «Бирона... по силе государственных прав, Уложения главы второй 1-го и 2-го пунктов, Воинского артикула третьей главы 19-го, 20-го и шестой-на-десять главы 124-го, 127-го, 129-го артикулов и указов 1727, генваря 30-го, 1730, апреля 10-го, и 1732-го годов, декабря 20-го числа казнить смертию, четвертовать и все его движимые и недвижимые имения конфисковать». 14-го апреля опубликован был «во всенародное сведение» манифест Императора Иоанна III, где проводилась параллель между Борисом Годуновым и Бироном, перечислялись вины его в 28 пунктах и объявлялось: «по природному нашему великодушию и в рассуждении добровольного признания, как всегда, так и ныне, особливо к милости больше склонны, тако указали мы его от смертной казни всемилостивейше освободить, а напротив того, со всею его фамилией, тако ж и братьев его обоих, и зятя Бисмарка, которые в объявленной вине оскорбления величества явно с ним обще приличились, по отписании всего движимого и недвижимого имения на нас, в вечном заключении содержать...».

Местом ссылки Бирона назначен был городок Пелым, где для него был выстроен дом, как говорят, по плану Миниха. 13 июня в Шлиссельбург явилась команда, чтобы отвезти Бирона и его семью. В инструкции команде говорилось: «содержать арестантов под крепким и осторожным караулом неисходно и всегдашнее смотрение иметь, чтобы никто из них никаким образом уйти не мог, и в тамошнюю их бытность никого к ним не допускать, бумаги и чернил не давать». На содержание Бирона с семейством было велено отпускать из сибирских доходов по 15 рублей в сутки.

От Риги до Холмогор

*Что в прошлом ищем мы? Истоки бытия
Или ответ иного нужен свойства.
А на экранах часто вижу я,
Что вызывает боль и беспокойство
Ложь истину изгнав таким объёмом перло
Не удастся сократить
Оно никак не лезет в горло.
Всю информацию о нем не проглотить*

*Постойте господа, не стоит торопиться
Необходимо время. Чтоб переварить
Потоком лжи возможно подавиться
Или такую кашу заварит!..*

Перевороты в России происходили с легкостью необыкновенной, без единого выстрела при сохранении покоя ночной тишины. О том, что произошла кардинальная смена правительства, люди узнавали светлым днем, когда объявлялся правительственный манифест. Так произошло и этой ночью. Разбуженная Елизаветой Петровной, Анна Леопольдовна, спавшая в одной постели с фрейлиной Юлианой Менгден, все поняла мгновенно. Не оказывая никакого сопротивления, она только, стоя на коленях, умоляла не делать зла ни детям, ни фрейлине. Для себя лично она ничего не просила, готовая принять любую кару. Её с крохотной дочерью Екатериной и фрейлиной вывели наружу, усадили в сани и укрыли одеялами. Абсолютно спокойно воспринял свой арест и герцог Брауншвейгский, кстати, носящий в то время звание генералиссимуса. Носителю высшего воинского звания России не дали возможности даже одеться... Как был полуголым, так полуголого его извлекли из пуховой постели, завернули в одеяло и положили на сани. Сделано это было по отношению к нему умышленно: неодоетому по форме, будь ты и генералиссимус, солдаты не стали бы подчиняться.

«Арест» годовалого императора задержался на час, ибо отдан был приказ ребенка не будить.

Так и простояли гренадеры около колыбели, ожидая его пробуждения. Естественно, представляется возможность читающему эти строки создать мысленно картину пробуждения младенца, увидевшего вместо привычных ему лиц женского пола, огромных, пахнущих табаком и алкоголем усатых мужчин...

Все арестованные были на санях доставлены во дворец Елизаветы Петровны.

Бескровная революция свершилась!!!

Многие из придворных вспомнят потом о случае, происшедшем накануне переворота: правительница Анна, подходя к цесаревне Елизавете, споткнулась о ковер и внезапно, на глазах всего двора, упала в ноги стоявшей перед ней Елизавете. Это было воспринято тогда как слишком дурное предзнаменование..

Утро следующего дня началось с оглашении манифеста о восшествии на престол императрицы Елизаветы Петровны.

Последующим манифестом объявлялось: «...Брауншвейгскую фамилию, не хотя никаких им причинить огорчений, отправить за границу, в их отечество...»

Как с писаной торбой носилась царица,
Куда ей припрятать «врагов» дорогих?
Да, слишком известны в России их лица —

Покой государства зависит от них.

То бросит на запад поближе к границе
(Просторы России весьма велики).
Младенец опасен – решает царица:
«Пеленки заменят ему Соловки!»

12-го декабря 1741 г., Анна Леопольдовна с семейством, сопровождаемая генерал-лейтенантом В. Ф. Салтыковым, возглавлявшим большой вооруженный отряд всадников, выехала из Петербурга в Ригу. Санная накатанная дорога, добрые лошадки и невеликое количество вещей небольшого обоза позволяли быстро отсчитывать версту за верстой. До границы оставалось не более десятка верст, когда «изгнанников» догнал на буланом коне имперский гонец с приказом изменить направление движения. Пунктом остановки была названа Рига. В Риге герцогу и герцогине следовало ожидать следующих распоряжений императрицы. Ни Салтыков, ни изгоняемое семейство не знали ничего о причинах того, что заставило Елизавету Петровну изменить принятый первоначальный план удаления Брауншвейгских в Германию, уже согласованный с королем Пруссии Фридрихом. Оказывается, на Елизавету подействовали внушения Лестока и французского посла маркиза де ля Шетерди в том, что родители младенца Иоанна, находясь за рубежом, быстро найдут и материальные средства, и людей для военной интервенции, а внутри, в самой России найдется немало тех, кто остался верен императору и его матери, кто поддержит реставрацию, имеющую законные права на российский престол. Подумала, подумала над этим Елизавета Петровна и приняла такую возможность за реально выполнимую.

Итак, теперь уже, совсем не торопясь, изгнанников повезли в Ригу и, прибыв в неё 9 января 1742 года, поместили в замке, в котором прежде жил Бирон.

Нет прав на власть, иль их немного,
Как говорят их «с Гулькин нос»,
Твердят, что так угодно Богу,
Он так велел решить вопрос!
А там, уж верьте иль не верьте,
(Все ваши думки не в зачет)
Хоть речь идет о чьей-то смерти,
Над властью «крыша не течёт».

Положение прежде правившего Россией семейства круто изменилось: из изгнанников они превратились в заключенных со строгим уставом содержания. Здесь Анна Леопольдовна по требованию Елизаветы подписала присягу ей за себя и за своего сына. Потянулись однообразные тоскливые дни заключения. Постепенно к этому однообразию, как и к частой смене караулов обитатели замка привыкли, привыкли и к тому, что суммы на содержание стали значительно меньшими и многого из предметов обихода стало не хватать. Появились кое-какие послабления в общении с жителями города...

Между тем, в Санкт-Петербурге о враждебном настроении Анны Леопольдовны по отношению к новому правительству распространялись слухи. Никто не проверял источников возникновения и распространения слухов, хотя поиск был бы не сложен: все они рождались в доме Лестока, которому новая императрица полностью доверяла. Эти слухи не давали Елизавете Петровне расслабиться, держа в постоянном напряжении.

А тут ещё в июле 1742 года «Тайная канцелярия» во главе с Ушаковым доложила императрице о раскрытии ею заговора камер-лакея Турчанинова, целью которого было убийство

её, Елизаветы и возвращение к власти императора Иоанна. Скорее всего, раскрытие этого заговора, как и само его возникновение было инспирировано самой «Тайной канцелярией», пытавшейся показать сердобольной дочери Петра, что кругом существуют серьезные опасности для Её Величества жизни, а потому и нет пока оснований для ликвидации самой канцелярии. Кстати, и до сих пор этот способ доказательства необходимости расширения и усиления силовых структур широко используется в нашем обществе.

Оставлять Брауншвейгских в Риге становилось небезопасным, так как немецкое население края более симпатизировало герцогу Брауншвейгскому, чем дочери Петра I. Кроме того, рядом было море, так что для узников всегда оставалась возможность скрыться за границу. После некоторого размышления императрица решила содержать в дальнейшем семейство Брауншвейгских в крепости Динамюнде вблизи Риги. Находясь в этой крепости, Анна Леопольдовна разрешилась от груза беременности, родив третьего ребенка – принцессу Елизавету.

Очередной выбор места содержания опасного для императрицы семейства произошёл тогда, когда был раскрыт в июле 1743 года очередной заговор, на этот раз, подполковника Лопухина, его матери и графини Ягужинской, целиком сфабрикованный фаворитом Елизаветы лейб-медиком Лестоком. И о том хорошо был информирован прусский король Фридрих II, получая все интересующие его сведения от тайных агентов в России, им же хорошо оплачиваемых. Кстати, Лесток был в числе их...

Король достоверно знал, что действительного покушения против Елизаветы не существовало, были лишь интриги Лестока и Бестужева и что пребывание Брауншвейгского семейства в Динамюнде никакой опасности для императрицы не представляло. Тем не менее, имея по своим политическим расчетам надобность в добром расположении русской государыни, прусский король через посланника в Берлине графа Чернышева велел передать, что он, король Прусский, «как по своему дружескому расположению к императрице, так и для потушения последних искр тлеющей под золою опасности» считает своим долгом посоветовать: принца Иоанна, содержащегося с родителями и сестрами его в Динамюнде, тотчас же оттуда отправить во внутренние губернии империи, в такое отдаленное место, чтоб никто не мог больше ни видеть их, ни что-либо о них слышать». Императрица немедленно приняла этот совет, хотя он был подан от человека, которого она чрезвычайно не жаловала. Местом нового заточения для Брауншвейгского семейства выбрана была крепость Раненбург (ныне гор. Чаплыгин Липецкой области). 9 января 1744 года последовал на имя Салтыкова (из Царского Села) именной указ императрицы, очень длинный по форме и короткий по мыслям, изобилующий великим количеством мелких деталей, суть которого заключалась в выборе направления движения, количестве подвод выделяемых на каждом пункте ночевки, охране. Но самым главным требованием, пронизывающим указ было сохранение тайны лиц, следующих в Раненбург и ограничение возможности контактировать друг с другом. На пути движения определялись места стоянок: Псков, Великие Луки, Торопец, Смоленск, Вязьма, Калуга, Тула и Скопин.

Перечисление пунктов движения оказалось не лишним. Капитан-поручик Вымдонский, кому было поручено переселение «семейства», называл в письмах своих, в Петербург посылаемых, конечный пункт движения то «Оренбурх», то «Аренбурх» Это продолжалось до тех пор, пока специальным указом ему разъяснили:

«Ежели вы разумеете Оренбург тот, что на Яике, построенный бывшим статским советником Кириловым, в том ошибаетесь, ибо сей, до которого вы отправлены, Ораниенбурх, отстоящий от Скопина в 60 или 70-ти верстах, как и в именном Ея Императорскаго Величества указе, данном вам при отправлении, именован Ораниенбурхом, а не Оренбурхом». В январе 1744 года кортеж из множества крытых саней покинул Динамюнде. Правда, число сопровождающих правительницу и её семью резко поубавилось.

Члены семьи, поняв, что их хотят рассадить по разным кибиткам, по словам Салтыкова «с четверть часа поплакали», думая, что расстанутся навсегда. И так, переселение началось. Зима не лучшее время для переезда, но «путешественников» не спрашивали о том, удобно им или нет. От морозов и метелей семейству здорово досталось...

А Раненбург готовился к приему «гостей». Здесь для них спешно построили два небольших домика на противоположных окраинах города. В обоих домиках двери были окованы железом, а маленькие окна забраны толстыми решетками; вокруг этих импровизированных тюрем возвышались палисады. За неделю до прибытия арестантов там уже дежурили солдаты. На расспросы горожан стражники отвечали, что сами не знают, кого привезут; об Иоанне Антоновиче никто даже не подумал, так как все были убеждены, что его давно уже увезли за границу.

Пленники прибыли в Раненбург больными. У Анны Леопольдовны была отморожена левая рука, у принца Антона – обе ноги, маленький Иоанн метался в жару и бредил. К тому же Анна Леопольдовна снова готовилась стать матерью, а о врачебной помощи нечего было и думать. Родителей поместили в крошечной комнате, вся обстановка которой состояла из двух деревянных кроватей, стола и нескольких грубо сколоченных табуретов. Дом, построенный наскоро, был сырым, через щели в полу и стенах дуло, дрова узникам отпускались скупно, и потому в комнате всегда было холодно и дымно. Но самой ужасной пыткой была для несчастных родителей неизвестность о судьбе сына, и напрасно Анна Леопольдовна умоляла солдат сказать, что сделали с Иоанном Антоновичем. Стражники искренне недоумевали, потому что ничего не слышали о прибытии какого-то Иоанна в Раненбург.

А маленький Иоанн Антонович жил неподалеку от родителей – в другом домике, тоже в крохотной комнатенке, где днем и ночью находился солдат. Правда, здесь же помещалась и баронесса Юлиана Менгден – придворная дама Анны Леопольдовны, разделявшая с бывшей правительницей ее судьбу, но она всегда молчала, разрешено говорить было кратко и ничего лишнего. В Санкт-Петербурге, наконец-то успокоились насчет пленников: в центре России никто о них не знает... но спокойствие это длилось недолго. Приближалось лето. В конце мая 1744 года в российскую столицу примчался гонец с донесением, что заключенных пытались освободить, и умолял прислать на помощь сильную воинскую команду. В столице поднялась тревога, и на созванном совещании решено было отправить узников в Соловецкий монастырь, причем крошку Иоанна везти отдельно от остальных.

Путь далёк, наверно, «с тыщу верст»
На волах туда и не добраться.
Он всегда повсюду одинок,
До души родных и не дозваться...

В августе этого же года личный посланник Елизаветы майор гвардии барон Корф вез новый указ императрицы: «... младенца четырехлетнего посадить в коляску и самому с ним сесть и одного служителя своего или солдата иметь в коляске для бережения и содержания оногo; именем его называть Григорий...» Прибыв в Раненбург 10 августа, Корф нашел почти все семейство больным; он спросил Петербург, что делать, и получил приказание немедленно исполнить поручение; тогда уже Корф распорядился отправкою арестованных. Малолетнего Иоанна в отдельной коляске вез майор Миллер. Россия никогда не славилась своими дорогами, огромные пространства вообще не имели их. Поэтому поездка затянулась надолго. И золотой листопад и дожди осенние тоскливые и снежная пороша – всего в пути было предостаточно. В октябре прибыли в Холмогоры и Корф, остановившись тут, послав в столицу депешу, в которой говорилось, что из-за льда ехать в Соловки невозможно, барон настоял на том чтобы заключенных содержать в Холмогорах, в архиерейском доме, пред-

ставляя, что в Соловках труднее будет доставлять им пропитание и держать их в тайне. Да и водой в Швецию выкрасть легко – они летом на судах часто прибывают в Соловки. Елизавета Петровна согласилась, и сердобольный барон Корф сам повез Иоанна Антоновича в Холмогоры, позаботившись, чтобы ребенка тепло одели и захватили большой запас провизии. Принца Антона и Анну Леопольдовну отправили через два дня в сопровождении майора Миллера.

В Холмогорах никто не знал, что к ним везут юного императора; знали только, что к ним едет какой-то знатный вельможа с сыном. По личному распоряжению императрицы распространялся слух о том, что нужно скрыть сына одного высокопоставленного лица, так как мать несколько раз пыталась извести своего ребенка; поэтому мальчик на время останется в архиерейском доме на попечении игумена. Кроме того, приказано было приготовить келью, окна которой выходили бы на скотный двор – «для двух сумасшедших, кои там будут иметь пребывание до кончины».

В Холмогорах пленникам жилось несравненно лучше благодаря заботам Корфа. Иоанн Антонович ни в чем не нуждался, рядом с ним находилась верная фрейлина, пища была отличной, у ребенка даже появились игрушки... Часовые дежурили у наружной двери и около окон, но в комнаты царственного узника входить не смели. Принцу Антону и Анне Леопольдовне после ужасов Раненбурга жизнь в Холмогорах казалась настолько прекрасной, что они все реже и реже вспоминали об Иоанне. Правда, на то были и другие причины. Принц долгое время находился в душевной депрессии, стал равнодушен почти ко всему, что заставляло бы действовать. Анна Леопольдовна со дня на день ждала ребенка, страдала духовно и физически и целыми днями плакала о невозвратном прошлом...

Доброта беззащитна

*Двор на рынок похож и продажно здесь все
От невинности девичьей, чести.
До того, что печать благодати несет.
Здесь владенья предательства, лести.*

*Здесь шуты из дворянских и древних родов,
А вельможи пришли из конюшен.
Каждый дьяволу душу продать здесь готов
Голос истины в корне задушен.*

*И цена не всегда дорога у мужчин,
А за что им платить, коли слабы?
Через женицин они добывают свой чин,
Да и видом своим, словно бабы.*

Наверное, слишком слабой стала сама власть. В одну ночь с легкостью необычайной был свергнут Бирон. А ведь он 22 года вертел Россией, как хотел...

В слабости власти виновны были те, кто добирался до вершины ее, не учитывая возможностей падения. И толчком к падению, как правило, являлись желания добравшегося, когда они становились значимее его возможностей

Куда нам бедным русским деться
Хоть здесь родились, как-никак?
За русский трон вцепились немцы,
Как стая бешенных собак.

Который год идет грызня.
(Как вши на теле великана)
В Сибирь ссылают и казнят —
К богатству тянутся упрямо

Анна Леопольдовна не любила принца Антона Брауншвейгского, когда тот добивался её руки. Это давало возможность надеяться Бирону на то, что племянницу императрицы удастся уговорить выйти замуж за его сына Петра. Это давало бы шанс потомкам герцога закрепиться на российском троне. Герцог поручил придворной даме и любимице императрицы Чернышевой расположить принцессу к браку с его сыном. Но Анна Леопольдовна, по-видимому, еще более нетерпимо относилась к принцу Петру, чем к принцу Брауншвейгскому. Во всяком случае, с неприкрытым негодованием отвергла она сватовство Чернышевой, сказав той:

– Я много думала и испытывала себя. Во всем готова слушаться императрицу и соглашусь выходить за Брауншвейгского принца, если ей так угодно.

Этот ответ, переданный Чернышевой, вызвал негодование Бирона, но он не посмел открыто его показать, зная какую реакцию государыни это может вызвать.

Чернышева слова, сказанные принцессой Анной, передала и императрице.

Та, не скрывая удовлетворения, заговорила:

– Конечно, принц не нравится ни мне, ни принцессе; но особы нашего состояния не всегда вступают в брак по склонности. К тому же, принц ни в каком случае не примет участия

в правлении, и принцессе все равно, за кого бы ни выйти. Лишь бы мне иметь от нее наследников... Да и сам принц кажется мне человек скромный и стоворчивый.

Утром следующего дня, государыня сама подошла к племяннице, прижала к своей груди и сказала, не скрывая радости:

– Я довольна тобою, моя душенька... Наконец-то, ты послушалась меня, моя девочка!.. Тетушка ничего дурного тебе не пожелает...

Вздыхнула глубоко молодая девушка, но нечего не сказала, только две слезинки скатилось по щекам ее. Заметила императрица слезы племянницы, но по матерински погладив по щеке, сказала:

– Наша участь женская такая – во имя интересов государства приносить себя в жертву.

И на этот раз ничего не ответила племянница. В душе и мыслях ее царил саксонский граф Линар. Появился он в Петербурге в качестве саксонского посла в апреле 1733 года, сразу же своей внешностью обратив на себя всеобщее внимание. Было ему 31 год. Рослый, статный, красивый, он отлично себя чувствовал в любой компании. Носил одежду светлых тонов, она всегда соответствовала моде и безукоризненно сидела на нем, Мужчины при дворе старше возрастом называли его фатом, дамы – весьма очаровательным молодым человеком. Его внешние данные были учтены австрийским императорским двором при назначении на должность посла. Русский двор, управляемый женщинами, находился в зависимости от влияния фаворита, а им мог легко стать и иноземец. Граф Линар до этого был женат на графине Флеминг, но овдовел. Многочисленные любовные связи, приписываемые Линару, только способствовали повышению интереса к нему. Он был опытен в любви, чего никак не скажешь о семнадцатилетней принцессе Анне Леопольдовне, воспитанной на французских куртуазных романах, к чему она пристрастилась по склонности своей к уединению. Образ любящего мужчины, сформированный в головке принцессы, соответствовал внешности графа Линара.

Вся обстановка, в которой она жила и воспитывалась, была пропитана любовью, разговорами и мыслями о ней. В женихи ей прочили во всех отношениях неинтересного принца Антона Ульриха Брауншвейгского. Сравнение его с красавцем Линаром явно было не в его пользу, Был принц невысокого роста, щуплый, неуклюжий с женоподобным лицом... И ко всему тому, сильно заикался. Находились и охотники при российском дворе желающие расстроить предполагаемый брак принца и принцессы брак. Главная воспитательница Анны Леопольдовны, Адеркас, сторонница Пруссии, вмешалась в эту интригу и стала посредницей между Линаром и принцессой, равно как и камер-юнкер императрицы Иван Брылкин. Линару нетрудно было прикинуться влюбленным... Дело принимало характер очень серьезного романа Кто знает, что произошло бы?.. Но вмешался Бирон, по наущению его императрица отставила Адеркас от должности и выслала в Пруссию. Брылкин от двора был устранен и направлен капитаном в казанский гарнизон. К Анне Леопольдовне назначили новый штат служащих. В Дрезден – столицу Саксонии была направлена депеша относительно Линара. В ней – вернуть его к Саксонскому двору и дать иное назначение. Линару повезло: он не слишком пострадал – русский двор проводил его благосклонно и, кроме подарка, обычно вручаемого иностранному министру при его отъезде, ему подарили драгоценный перстень.

Потеряв любимого, принцесса Анна впала в депрессию. Ей стало казаться всё утраченным, а жизнь – безразличней. Вот почему она дала согласие на брак с принцем Антоном-Ульрихом. Отказ Петру Бирону принцессы Анны был воспринят герцогом, как личное оскорбление – возненавидел супружескую чету Брауншвейгских и при всяком удобном случае старался делать ей неприятности. При жизни Анны Иоанновны ненависть открыто не проявлялась – фаворит опасался крутого непредсказуемого характера своей повелительницы.

Каждый, как может, решает вопрос:
Дерзким обманом и силой.
Долго кого-то водят за нос,
Роют кому-то могилу...

Став полновластным регентом при малолетнем императоре Иоанне, Бирон тут же показал свои зубы: гвардейцы, позволившие высказывать мысли о том, что регентами при малыше-императоре должны были быть отец или мать императора (подполковник Пустошкин, князь Путяин, Михаил Аргамаков и другие) были арестованы и биты кнутом в тайной канцелярии. Сам принц Антон-Ульрих, сочувствовавший движению среди гвардейцев против Бирона и желавший изменить постановление о регентстве, был исключен за это регентом из русской службы. Не избавились от доносов секретарь конторы принцессы Анны, Михаил Семенов, заподозривший, что указ о регентстве не подписан покойной императрицей собственноручно, и адъютант принца Антона, П. Граматин. Раздраженный всем этим, Бирон грозил Анне Леопольдовне, что вышлет ее с мужем в Германию, вызовет в Петербург герцога Гольштейн-Готторпского, преобразует гвардию, рядовых из дворян отошлет в армейские полки офицерами и вместо них наберет людей простого происхождения. Грубое и оскорбительное обращение регента вывело, наконец, из терпения кроткую принцессу. Она пожаловалась на Бирона фельдмаршалу Миниху, который понимал, что регент давно хочет отделаться и от него самого, как от соперника, опасного по смелости, энергии, талантам и честолюбию. Мотивы для заговора появились, а произвести его для Миниха, оказалось делом нетрудным...

Ставшая правительницей Анна Леопольдовна, самим воспитанием своим не была подготовлена к правлению такой непредсказуемой страной, как Россия. Не имея в России своей надежной политической партии, не заручившись поддержкой основных игроков на политической сцене государства, трудно было рассчитывать на успех правления. Мягкая и добрая по натуре женщина была легко уязвима

Характер царственной особы,
Влюбленной женщины к тому же,
Без чувства ненависти, злобы.
Бураном общество закружит
Её поступков не понять,
Хоть полным ртом беду хлебает
И чернь народная и знать;
И тяжко власть сама страдает.

Возможно, что переворот, который станет непоправимой бедой для семейства Брауншвейгских, следует расценивать произведенным во благо России, ибо трудно определить прокладываемый курс государственного корабля, если штурвал находился в слабых руках меланхолической женщины. Слабовольная, ленивая, предпочитающая одиночество, любимым занятием которой являлось чтение куртуазных французских романов, плохо знала не только особенности русского характера, но и то общество, в котором она находилась. Почерпнуть что-нибудь значимое от малограмотной тетушки-императрицы Анны Иоанновны было трудно. Они были натурами явно противоположными друг другу. Возможно, только пренебрежение к носимой одежде роднило их, но тут Анна Иоанновна напоминала обычную деревенскую барыню, а в Анне Леопольдовне западно-европейский лоск проглядывал, все-таки. Анна Иоанновна была грубой и жестокой, а ее племянница способна была

оплакивать чужое несчастье. Было еще одно свойство, что сближало обоих – это – выбор любимого мужчины. Возможности выбора у тетушки были неограниченными, но она избирала раз и навсегда своим фаворитом Бирона. У Анны Леопольдовны тоже был один избранник – граф Линар. Став правительницей России, Анна Леопольдовна тут же решила пригласить в Петербург графа Линара. К такому повороту событий Дрезден был давно готов. Слухи о болезни и возможной смерти императрицы Анны, распространившиеся в Европе осенью 1740 г., вновь выдвинули кандидатуру Линара на смену посла в Петербурге. Рассчитывали на личное влияние Линара у будущей правительницы и на его обворожительное обхождение. Поэтому ему предписывалось обставить свое пребывание в Петербурге как можно пышнее, роскошнее и изящнее, а сделать это было нелегко ввиду соперничества других дипломатов, стремившихся именно этим же поразить полуазиатский, по их отзывам, двор России, где господствовала роскошь и повелевали женщины. Линару было трудно тягаться даже с австрийскими посланниками, не говоря уже о несравненном маркизе Шетарди, французским министром в Петербурге. Саксония не была в состоянии дать своему представителю таких сумм, как Версальский двор, а сам он не был особенно богат. Для пленения дам, Линар подновил свои наряды и обстановку, а для влиятельных вельмож нового царствования он вез от польского короля орденские знаки Белого Орла.

Его назначение и приезд были приняты правительницей с нескрываемым восторгом. По ее распоряжению был для Линара снят большой дом рядом с садом Летнего Дворца, в котором жила она сама. В ограде сада, была устроена особая дверь, близ которой бы поставлен часовой, получивший строгое приказание не впускать никого, кроме Линара. Этот приказ распространялся даже на супруга правительницы. Что же удивительного в том, что однажды принцессе Елизавете Петровне, не знавшей о запрете, караульный заградил путь ружьем, когда та пыталась пройти через запретную дверь. С каждым днем его пребывания в Петербурге, на него изливались новые милости, то в виде Высочайших подарков деньгами и вещами, то просто в открытых знаках внимания. Анна Леопольдовна постоянно приглашала его к себе в апартаменты, где он оставался по много часов в обществе правительницы и фаворитки ее, Юлии Менгден. Анна Леопольдовна решила сделать его обер-камергером своего двора и наградила орденом св. Андрея Первозванного, высшим российским орденом. Принц Брауншвейгский не только догадывался, но и знал об истинном характере отношений своей супруги и саксонского посла, возмущался этим, но сил противодействовать не имел. Такое положение дел у иностранцев служило поводом для насмешек. Дипломатические способности графа Линара ими оценивались низко, он не считался серьезным соперником в делах. Русские же с неудовольствием смотрели на растущее значение временщика, начинавшего вмешиваться и во внутренние распорядки империи, и опасались появления нового Бирона.

Правда, вскоре заговорили об обручении графа Линара с Юлией Менгден, подругой правительницы. Обручение это состоялось, его отпраздновали в доме Миниха Петра 13 августа 1741 года. Все присутствующие на торжестве понимали, что обручение является лишь ширмой истинных отношений Линара и Анны Леопольдовны. После обручения граф отправился в Саксонию, чтобы получить разрешение на службу в России, чтобы остаться в ней навсегда. Такое разрешение было получено, а вот вернуться в Россию граф не успел – произошел переворот, отстранивший семейство Брауншвейгских от власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.